

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М79

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*

Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

Оформление серии — *Павел Бондаренко*

Мори, Юрий.

М79 Метро 2035: Эмбрион. Начало: [фантастический роман] / Юрий Мори. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Вселенная Метро 2035).

ISBN 978-5-17-116629-8

Воронеж, лето 2035 года.

Сталкер Кат, упрямый одиночка, возвращается в город и попадает в эпи-центр заговора. Руководство военной базы требует его особых способностей, чтобы найти ключ к будущему. Дело за малым: небольшой командой пройти через населенный мутантами Шиловский лес, добыть схему криобанка и вернуться живыми.

Но всё сложнее, чем кажется на первый взгляд...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116629-8

© Глуховский Д., 2019
© Мори Ю., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Довлеет днєви злоба єго.

Мф. 6:34

1. Прометей в джинсах

Кат всегда любил простор. Воздух вокруг. Пусть вечно серое, но небо над головой, а не бетон подземелий. Запах земли и чуть горьковатый привкус свободы на языке, которые может дать только поверхность — в норах бомбоубежищ их не найти.

Любил простор?

Теперь наслаждайся им. Ешь ложкой, которой нет. Пей допьяна — отныне и до конца жизни, который пугающе близок. Здесь, на вершине Башни, на почти ровной площадке, усыпанной пиками арматуры, остается только одно — наслаждаться жизнью и смотреть вниз, вдаль, ежась от пронзительного северного ветра. Ни воды, ни пищи, да что там — и одежды-то оставили крайне мало. Люк вниз, на тридцать второй из задуманных предками сорока этажей, закрыт. Завинчен изнутри шестью ржавыми гайками — Кат видел их, когда его тащили наверх. Крепко и надежно заперт, там даже охраны не осталось, он в этом уверен.

К чему этим психам охранять покойника? То-то же. А что он еще дышит, ходит, и даже пробует отломать кусок металла, торчащий из изъеденной дождями отливки бетона, всего лишь временное и легко поправимое дело. Он мертв. Вопрос только в причине и сроке смерти.

Может, сигануть вниз? Несколько секунд полета в одну сторону, смачный хлопок и безбрежная пустота там, за краем. Ну уж нет. Это крайний вариант и не наш метод.

ЮРИЙ МОРИ

Кат поднял голову и посмотрел на дрожащее вдали зеркало водохранилища, на изломанные зубы домов левого берега за ним. Далеко. Впрочем, туда и не нужно. Северный мост слева, взорванный кем-то из сбрендивших военных в Черный День: пролеты у берегов и один в центре целые, остальные давно на дне. А справа, если провести взглядом по водохранилищу — Чернавский мост. На вид цел, но две трети его не просто горячее пятно, а до сих пор какой-то привет из ада. И на скорости не проскочить, даже если найти транспорт — мост забит островами ржавых машин.

Кат вздохнул. Сейчас он видел дождь, тонкое синее марево где-то над авиазаводом. Там любые счетчики сейчас должно зашкаливать, так что лучше уж сидеть здесь. А вовсе отлично было бы сбежать и отсюда, только вот как?

За спиной и гораздо ближе, чем туча — ржавая паутина рельсов. Старый вокзал, украшенный сбившимися в кучу вагонами, словно мухами, пойманными невидимым пауком. Множество дорог из ниоткуда в никуда.

Он обошел площадку, осматривая ее края, выглядывая, прикидывая — но никаких мыслей не было. Бетон под ногами, частокол арматуры — остановившийся прыжок на следующий этаж, который никто и никогда уже не сделает. Четыре лифтовые шахты, забранные решетками. Местами лежали кости предыдущих жертв Башни. Раздробленные, местами светящиеся еле заметным гнилушечным сиянием. Старые тряпки рядом, наверное, чья-то одежда. Пара расклеванных черепов, угадываемых только по остаткам зубов.

Дул сырой ветер, и в одних джинсах стало довольно холодно. Начало лета... Говорят, когда-то, до Черного Дня, люди уже собирались у воды, загорали — что за дикая мысль, зачем?! И даже купались в чистой воде. При мысли о купании Кат пожегил. Сейчас бы свитер потолще, а сверху куртку. И убраться с открытой площадки, мало ли куда свернет туча, заливавшая сейчас левобережные края. Притащится сюда, вломит одинокому сталкеру избыточную дозу радиации, и — прощай будущее.

МЕТРО 2035: ЭМБРИОН. НАЧАЛО

Если сейчас оно туманно, то потом и вовсе его не будет. Кончится лучевым образом.

Итак, что мы имеем? А ничего хорошего: прочные довоенные штаны, заношенные предыдущими хозяевами добела, ботинки на босу ногу и неистребимое желание покинуть место жертвоприношения.

Кат методично начал дергать прутья металла, надеясь выдрать из серого крошащегося бетона хоть один. Пока не удавалось. Он ходил и ходил по площадке, не рискуя наступать на решетки шахт. Провалишься еще, тогда шансов совсем не останется. Заодно грелся, растирая руками на ходу шею, украшенную татуировкой грудь. Буква «А» в круге — символ древнего одиночества и бунта предков против самих себя. Добунтовались, молодцы... Наверное, у тех, кто нажимал кнопки запуска ракет, не было причин спорить с обществом. Они поспорили сразу с богами, создавшими мир, и проиграли. Уничтожить всех и вся не удалось, но попытка была эффектной.

От одного края буквы вниз, продолжая ее, уходил под ремень и ниже выпуклый шнур старого шрама. Шилось толстыми нитками, так что зрелище было неприглядное, хорошо хоть под штанами рассматривать некому.

— Солдат шел по улице домой... — негромко напевал Кат, пытаясь выломать очередной стержень арматуры. Ничего не получалось, но он не сдавался. — И увидел этих ребят...

Он любил старую музыку. Пока из него готовили бойца в «пионерлагере» Базы, он успел перечитать почти всю библиотеку. Успел послушать стопку дисков, которые больше никого не интересовали. Как по кладбищу прошелся — читая надгробия и вежливо кивая стертým фотографиям усопших. Зато теперь было что спеть. Перед своей смертью.

Пока воспитатели готовили из них машины смерти... ну как машины, скорее машинки — игрушечных солдат былой армии, он впитывал знания. Жадно и без смысла. Кому вот сейчас нужна эта песенка?

ЮРИЙ МОРИ

— ...кто ваша баба, ребята, спросил у солдат чувак... — Чертова арматура. Вроде бы согнул, но сломать не удастся. На совесть строили покойные строители. Призраки в касках с торчащими изо рта сигаретами — он видел однажды снимок со стройки и почти слышал сейчас гомонящую толпу вокруг.

Встряхнув головой, Кат прогнал видение, продолжая перевирать песню на свой лад. Нет здесь никого. И не будет. Все остальные будут жить дальше. И психи, что его сюда отнесли умирать. Даже викинги в своем вонючем Нифльхейме. Будут охранять рабов, слушать проповеди Рагнара, готовить очередные набеги на земли тумана и мрака вокруг своего форпоста. И далеко за его пределами. А его вот решила судьба вычеркнуть из жизни.

Впрочем, что теперь плакать? Пальцы уже болели от напрасной борьбы с железками, но Кат продолжал. Туча, на которую он нет-нет, да посматривал, залила левый берег гнилой светящейся водой, похудела и ушла куда-то вдаль. И то плюс.

А вот кружащаяся в воздухе точка на северо-западе — это минус. Увесистый такой минус, наверняка с острым клювом. И когтями — не меньше его руки каждый. Зрение у Ката было острым, но рассмотреть неведомого врага пока не получалось. Впрочем, здесь все, что летает открыто над щербатыми зубами бывших домов бывшего города — опасно.

Мучительно не хватает автомата. Старого доброго АК, да пусть даже «коротыша»! Эх-х...

Нет, нужно убираться с крыши, пока не поздно.

Раскачивая очередную железку, Кат выворотил из-под нее кусок бетона. Большой, с собачью голову. Вот, кстати, еще один плюс — хотя бы мортов здесь нет. Ни одна стая не полезет на тридцать два этажа вверх.

— Мама-анархия, папа — стакан спиртяги! — пугая низкие облака, заорал Кат. Арматурный прут ходил ходуном в его руках, но так и не поддавался. Точка в небе немного подросла, делая круги все уже и уже. Ее неугомный обед продолжал работать, надеясь на себя и чудо.

МЕТРО 2035: ЭМБРИОН. НАЧАЛО

Сов. Сто процентов — сов. Мутировавшая из некрупной лесной птички, опасной разве что для мышей, здоровенная тварь длиной больше самого Ката. Клюв размером с автомат без приклада и острые когти, готовые рвать мясо. Без огнестрела с ним бороться бесполезно. А лучше — два-три ствола в умелых руках. При всей своей независимости и любви к одиночеству он бы не отказался сейчас от помощи. Просто Кат видел однажды, как сов выдернул из середины стаи морта и унес куда-то вверх. То ли сам сожрал, то ли птенцам в подарок.

Стержень хрустнул и подался. Не предел мечтаний — метровый кусок железа, но хоть что-то. Уже руки не пустые. Сов заклекотал. Громко, пронзительно и уже совсем близко. С размаху атаковать не рискует, видит частокол прутьев, но и пролететь мимо сотни килограмм мяса — не может. Судя по костям, до своих жертв он здесь все-таки добирается, спрятаться не выйдет.

Кат повертел в руках прут, перехватил удобнее и забрался в самую гущу арматурного леса. Присел на корточках и стал спешно вспоминать, что он знает об охотничьих повадках сова. Атакует с лета, вытягивает вниз лапы с когтями и старается схватить. Клювом добивает. Уязвимые места? Если только глаза. Перья жесткие, не пробить. С когтями вообще ничего не сделать.

Налетел порыв ветра. А с ним — совсем уже громкий крик сова. Над Катом мелькнула крылатая тень. Что-то чиркнуло по верхушкам прутьев, словно гигантская спичка по металлической щетке. Крик повторился, но уже чуть в стороне. И какой-то разочарованный, что ли. Не нравится, когда мясо прячется?

Кат, не вставая, развернулся на пятках. Да, вот он, красавец: вблизи сов был огромен. Страшен. Ярко-оранжевая радужка глаз как две жутковатые тарелки на плоской морде с каплями черных зрачков посередине. Хохолки на голове дыбом, напоминают даже не уши — антенны. Для связи со своим свиным богом, дарующим мясо и боль жертв.

— Кер-ке-кекеке! — загремело над головой Ката. Неуютно, чего уж там. Но и он ведь не мышь — прятаться, пока не съедят.

ЮРИЙ МОРИ

Пока не вырвут внутренности огромными кривыми когтями и, придерживая еще дергающуюся добычу, не сожрут печень.

Сов снова атаковал, резко вильнув веером хвоста и развернувшись в воздухе почти на одном месте. Когтистая лапа промелькнула прямо над Катом, заставив упасть ничком. Птица недовольно заорала, вновь не поймав человека.

Тупик. Сейчас сов зайдет на еще один круг и зацепит его. Не схватит, так ранит, а это верная смерть. Кат приподнялся, не выпуская арматуру. На этот кусок древнего железа одна надежда. Слабая, конечно. Очень слабая...

Сов снова атаковал, затормозив у самой площадки. Кат наотмашь ударил по когтистой лапе, вложив в этот рывок все — от ярости беспомощной жертвы до гнева на весь этот проклятый богами мир. На город внизу. На вонючие укрытия, жизнь в которых не лучше смерти.

Птица явно не ожидала такого сопротивления. Сова слегка развернуло и потащило по инерции по острым пикам прутьев. Поджав раненую лапу, он гулко ударился боком об одну из решеток над лифтовыми шахтами. Что-то заскрежетало под ним, но Кату было не до того. Пока сов, теряя пестрые перья, лежит на боку, нужно атаковать. Только вперед. Только...

Птица громко заорала и вновь загромычала решеткой, с силой стуча крыльями по площадке. Зацепилась, что ли?

— Мама-анархия!.. — выдохнул Кат и начал обходить по кругу бьющегося сова. В глаз бы попасть...

К середине буквы «А» его татуировки прилип кусок серого бетона, словно точка, которую надо ставить в этом бою. Победить эту тварь, конечно, нереально, но хотя бы прогнать. А там посмотрим.

Сов снова заорал и резким рывком освободился от странного капкана. Решетку с грохотом вырвало вслед за дернувшейся лапой. Кат бросил под ноги арматуру и схватил кусок бетона. Тяжеленный, зараза, но поднял над головой. И бросил, угодив по распластанному крылу. Сов почти по-человечески взвизгнул и отскочил к краю площадки. Пучки перьев летали в воздухе.

МЕТРО 2035: ЭМБРИОН. НАЧАЛО

Кат, прихватив железный прут, бросился в атаку. Сов в ответ неслабо приложил здоровым крылом, да так, что Ката отбросило на бетон, протащило по огрызкам арматуры. Длинные глубокие царапины протянулись по спине, пересекая сложную наколку, изображавшую скупую даосскую мандалу. Все верно — спереди анархия, сзади равновесие. Аверс и реверс, а посреди вся его недолгая жизнь, как бесполезная сейчас монетка, вечно стоящая на ребре. Сейчас инь и ян были изрядно перепачканы кровью, но это ничего. Это пройдет.

До свадьбы заживет, как любила приговаривать мама.

На ноги. Держаться. Еще удар прутом — какой там в глаза! Куда придется. Главное, посылнее. Птица перевалилась через край и тяжело, кругами, полетела вниз. Одно крыло ее явно подводило. Судя по злобным крикам, сов вернется при первой возможности. Вернется и все-таки выключет печень этому странному Прометею. Поэтому пора уносить ноги.

Выврванная птицей решетка валялась рядом с темным жерлом лифтовой шахты. Кат осторожно встал на краю и заглянул вниз. Прямоугольная пропасть. Та сторона, что должна была открываться на каждом этаже гостеприимными дверями — сталь, зеркала и кнопки — отпадала. Ровные стены, чтобы кабины не цеплялись. А вот противоположная — вполне себе неплоха. Ряд уходящих вниз скоб радует глаз. Если смонтированы на совесть, как остальная арматура, есть увесистый шанс спуститься.

Железку, так не порадовавшую сова, он сунул за пояс. Не очень удобно, но какое-никакое оружие. Прут короля Артура.

Тихо матерясь от боли, наливающейся в исцарапанной спине, Кат начал спускаться. Темнота как в колодце. Да это и есть колодец — только уменьшающийся кусок серого неба где-то над головой. Он спустился уже на пару этажей, когда сверху раздался недовольный клекот, эхом дробящийся от стен. Небо на мгновение потемнело, когда сов, потерявший такую доступную добычу, пролетел прямо над шахтой.

Вниз птице лезть не хотелось, так что встреча закончилась ничьей. Пустяк, а приятно.

ЮРИЙ МОРИ

Тридцатый этаж. Двадцать девятый.

На расстоянии каких-то трех метров на каждом этаже Кат видел в полутьме забранные досками выходы из лифтов. Щели призывно светились, но с таким же успехом щиты могли быть в километре от него. В Москве. На Луне. Никаких способов перебраться через пропасть, так что — ручками. И ножками. Скоба за скобой. Этаж за этажом, стараясь не соскользнуть в бездну. Руки сводило от усталости, голова трещала от последствий снотворного, а царапины на спине горели и пульсировали, но он лез и лез вниз. Арматурина за поясом иногда цепляла скобы и стучала. Петь больше не хотелось. Вообще ничего не хотелось, кроме того, чтобы спуститься и лечь, расслабив натруженные руки.

Двадцать второй, если он не напутал со счетом.

Здесь даже щита на выходе нет — блеклый свет из бетонного прямоугольника. Видны засыпанная мусором площадка и край лестницы. Кат сделал небольшой перерыв, разглядывая этот кусок мира вне колодца. Ничего интересного. Ползем дальше.

Девятнадцать. Шестнадцать.

Полпути проделано, что не может не радовать. Выход из шахты вверху давно превратился в еле заметную точку.

— Все ниже, ниже и ни-и-же, — пропыхтел Кат. — Стремим мы полет наших птиц.

Нет, нафиг таких птиц. И моргов — туда же. Задолбали. Кого ни встретишь, все съесть норовят! Снизу вверх ощутимо тянуло воздушным потоком. Неприятно, что холодит, но радует, что внизу шахта не замурована, есть там проход, есть. Главное, по дороге не свалиться.

Двенадцать. Десять.

Наддув снизу усиливался, трепал короткий ирокез на макушке — остальную часть головы Кат брил наголо, сколько себя помнил.

Восемь.

Внизу стал виднеться свет. Точно — открыто все, добраться туда и бежать.

МЕТРО 2035: ЭМБРИОН. НАЧАЛО

Шесть. Три.

Руки просто отваливаются, но сейчас падать вниз даже как-то стыдно. Насмерть не убьешься, только лежать да постанывать на гряде мусора и ждать милосердных собачек? Нет уж. Тем более что морты — не совсем и собачки. Черт знает, из кого они получились.

Один. Спина-а-а... Минус первый.

Надежный пол под ногами и долгожданный выход. Подвал, коридоры в обе стороны. Негнущимися пальцами Кат достал железный прут. Теперь лично он — венец творения, раз вооружен. Остается выбраться, и...

И?.. Ближайший схрон в трех кварталах отсюда. Это он читал, что предки так смешно считали свои дома, разделенные улицами. Кварталы. И можно было выйти на улицу, под яркое солнце, прогуляться. Из всех опасностей — только угодить под машину. Да и то, если ты дурак и смотришь куда-то вверх, пока по сторонам проносятся цветные авто, а в витринах магазинов продается все, что пожелаешь. Заходишь, платишь и забираешь. Хочешь — продукты, хочешь — лекарства. И самое страшное в жизни — всего лишь угодить под колеса по глупости.

Кат оскалился от злости. Перепачканный в серой бетонной пыли, исцарапанный, полуголый, с прутом в руке он сейчас больше, чем обычно, напоминал дикаря. Да он и был дикарем волей давно истлевших предков, нажимавших свои кнопки. Запускавших свои ракеты. Убивших для него возможность даже попасть под машину: нет их, автомобилей, больше. И никогда не будет. Только ржавеющие коробки на потрескавшемся асфальте, там, за дверью. Коробки, в которых иногда сидят рассыпающиеся со временем скелеты, едущие в никуда.

— Дальше — медленно и аккуратно, — сказал Кат самому себе. — Очень медленно и очень аккуратно. От того, что я вижу горячие пятна, не легче. Остальные проблемы никуда не денутся.

Выход из подвала был наполовину засыпан обвалившейся штукатуркой, кирпичами и закидан остатками каких-то ящи-